

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

Записки византийского неоплатоника Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360—1452) с предложениями реформ, направленных на оздоровление экономики Византийской империи и улучшение функционирования государственного аппарата, давно уже привлекли внимание ученых, породив множество точек зрения¹. До сравнительно недавнего времени господствовало мнение, что изложенная в записках система социально-экономических воззрений Плифона представляет собой утопию, которая не имеет иных источников, кроме Платона и других античных авторов, на основании чего делался негативный вывод о полной оторванности этих проектов от жизни, об их неосуществимости². Такая точка зрения разделяется некоторыми учеными и по сей день. Например, Б. Т. Горянов характеризует Плифона как «ученого мечтателя. . . , целиком погруженного в воспоминания о „золотом веке“ античной Греции»³, а Деррет на-

¹ В настоящее время известно три рукописи, сохранившие текст записок Плифона: Monacensis gr. 260, Laurentianus 56, 18 и Parisinus gr. 1884. Editio princeps, в основу которого была положена только одна (первая) из названных рукописей, было осуществлено в 1575 г. с латинским переводом: *Ioannis Stobaei Eclogarum Libri duo: Georgii Gemisti Plethonis Ad Regem Emanuelem de rebus Peloponnesiacis (Oratio Prior), Principem Theodorum de rebus Peloponnesiacis (Oratio Posterior)*. Antuerpiae, 1575, p. 219—229. В 1860 г. записки Плифона были изданы Эллиссеном с немецким переводом (*A. Ellissen*. *Analekten der mittel und neugriechischen Literatur*, Bd. IV. Leipzig, 1860, S. 60—84, 146—154), который использовал также и Laurentianus 56, 18. Этот текст был перепечатан Минем в его «Патрологии» с латинским переводом первого издания (PG, t. 160. col. 842—866). Наконец, Лампрос осуществил издание по всем трем рукописям: *Sp. Lampros*. *Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά*, IV. Ἀθήναι, 1930, σελ. 113—135 (к сожалению, это издание отсутствует в библиотеках СССР и нам пришлось довольствоваться Минем). Следует также отметить русский перевод записок Плифона, осуществленный Б. Т. Горяновым (см. ВВ, VI, 1953, стр. 397—414), и краткие извлечения из них в английском переводе (см. *E. Barker*. *Social and Political Thought in Byzantium*. Oxford, 1957, p. 198 sq.).

² *J. Ph. Fallmerayer*. *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*, II. Theil. Stuttgart u. Tübingen, 1836, S. 317; *C. Alexandre*. *Notice préliminaire*, in: *Pléthon*. *Traité des lois*. Paris, 1858, p. IX—X; *F. Schultze*. *Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen*. Jena, 1874, S. 45—46; *H. F. Tozer*. *A Byzantine Reformer (Gemistus Plethon)*. — «The Journal of Hellenic Studies», VII, 1886, p. 379; *P. Kalligas*. *Μελέται Βυζαντινῆς Ἱστορίας*. Ἀθήναι, 1894, σελ. 626; *J. Heiberg*. *En samfundsreformatør*. Copenhagen, 1895; *N. Kazazis*. *Πλήθων καὶ ὁ κοινωτισμὸς κατὰ τὴν ἀναγέννησιν*. Ἀθήναι, 1903, σελ. 19, 30; *A. Karampasis*. *Τὸ φιλοσοφικὸν σύστημα τοῦ Πλήθωνος*. — «Ἠρακλείων», 1910, σελ. 54; *J. Dräseke*. *Plethons und Bessarions Denkschriften «über die Angelegenheiten im Peloponnes»*. — «Neue Jahrbücher», 27, 1911, S. 102—119; *A. A. Vasiliev*. *History of the byzantine Empire*. Madison, 1952, p. 328 etc.

³ *Б. Т. Горянов*. Предисловие к русскому переводу речей Плифона. — ВВ, VI, 1953, стр. 391, 394.

ходит полную аналогию между идеями Плифона, которые он считает «бесспорно утопией», и основными положениями «Утопии» Томаса Мора, усматривая прямое влияние византийского философа на английского утописта ⁴.

Существует, однако, и совершенно противоположная оценка социальных и экономических воззрений Плифона, которого рассматривают как великого реалиста, прекрасного знатока современной ему истории и экономической действительности. Особенно это характерно для греческой историографии, которая видит в Плифоне провозвестника национального возрождения (*ἐθνικὸς κήρυξ*), гениального государственного деятеля и социолога ⁵. В работах Даниэлидиса, Мамалакиса, Татакиса, Закифиноса, Вакалопулоса и др. подчеркивается дальновидный и проницательный ум Плифона, а его проекты реформ расцениваются как результат глубокого и внимательного изучения социального, политического и экономического состояния современного ему византийского общества ⁶.

Но не только в работах греческих ученых можно встретить подобную оценку. В основополагающей монографии, посвященной творчеству Плифона, бельгийский ученый Мазэ говорит, что не рассматривает Плифона как мечтателя, фантазера, погруженного в созерцание некогда исчезнувшего мира, что «идеи Плифона являются не только дедукциями, они вытекают также из анализа конкретных данных, почерпнутых из истории и современной ему действительности» ⁷. Мазэ характеризует учение Плифона как «коммунистическую доктрину», оговариваясь, что «коммунизм» Плифона не имел целью установление равенства между гражданами, как это предусматривалось «Утопией» Мора, а был направлен на решение более непосредственных, практических задач ⁸. В связи с этим следует заметить, что ученые еще раньше находили в проектах реформ Плифона сходство с социалистическими и даже коммунистическими (разумеется, домарксовыми) концепциями или же мысли, аналогичные некоторым идеям «общественного договора» Руссо и Сен-Симона ⁹. Сейчас же он рассматривается не только как предшественник утопического, но и научного социализма со всеми его современными концепциями ¹⁰.

Последней по времени известной нам специальной и довольно крупной работой о социальных и экономических воззрениях Плифона является диссертация греческого ученого Саввы Спенцаса. Для него характерна

⁴ J. D. M. Derret. *Gemistus Plethon, the Essens and More's Utopia*. — «Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance», 27 (3), 1965, p. 579—606. Предположение о том, что Мор знал о Плифоне (вероятно, через Джованни Франческо-делла Мираandola, упоминавшего Плифона в своем *Examen vanitatis doctrinae gentium*, IV, 2), само по себе представляется очень интересным. В данном случае мне хотелось бы напомнить только о вызвавшей в свое время сенсацию гипотезе М. П. Алексева о реальных прообразах «Утопии» Томаса Мора, о южнославянских задругах Средиземноморья, в частности славянской общине Полице.

⁵ См., например: G. Sakellariou. 'Ο Πλήθων ὡς κοινωνιολόγος. — *ΕΕΒΣ*, 23, 1953, σελ. 160.

⁶ D.-I. Danielides. 'Η νεοελληνική κοινωνία και οικονομία. 'Αθήναι, 1934, σελ. 88 sq.; I.-P. Mamalakis. Γεώργιος Γεμιστός-Πλήθων («Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», 32). 'Αθήναι, 1939, σελ. 91 sq.; B. Tatakis. *La philosophie byzantine*. Paris, 1949, p. 287; D.-A. Zakythinos. *Le Despotat grec de Morée*, II. Vie et institutions. Athènes, 1953, p. 138, 141, 243, 267, 269; A. E. Vakalopoulos. 'Ιστορία τοῦ νέου ἑλληνισμοῦ, Α'. 'Αρχές καὶ διαμόρφωσή του. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1961, σελ. 260.

⁷ Fr. Masai. *Pléthon et le platonisme de Mistra*. Paris, 1956, p. 85—86.

⁸ *Ibid.*, p. 75, 77, 92.

⁹ См., например: K. Paparregopoulou. 'Ελλην Σοσιαλιστής 15ης ἑκατονταετηρίδος. — «Πανδώρα», 1850/51, 'Αθήναι, I, σελ. 154 sq.; A. Ellissen. *Analekten...*, Bd. IV, S. 143, Ann. 23; H. F. Tozer. *A Byzantine Reformer*, p. 379 etc.

¹⁰ См., например, помимо только что приведенных высказываний Мазэ: B. Tatakis. *La philosophie byzantine*, p. 288; B. Knös. *Gemiste Pléthon et son souvenir*. — «Bulletin de l'Association Guillaume Budé. Lettres d'humanité», 1950, 9, p. 110—111; G. Sakellariou. *Op. cit.*, p. 164; E. Savvopoulou. Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων. — «Πειραιεύς», 1961, σελ. 28 κ. έ.

оценка творчества Плифона в сугубо политэкономических терминах и категориях, так как его Плифон — это «великий учитель и зачинатель экономической науки»; участью же других школ было на протяжении столетий развивать и «более аналитически излагать его воззрения, разрабатывая таким образом теоретическое здание»¹¹. Спенцас находит тождественными воззрения Плифона и таких школ, как физиократы и эмпрократы, по важнейшим разделам политэкономической науки. Он усматривает наличие прямой, «материальной» связи между ними, утверждая (разумеется, абсолютно голословно), что «по крайней мере наиболее значительные представители названных школ (Ж. Боден, Ж. Кольбер, Ф. Кенэ, А. Смит и др.) должны были иметь перед глазами плифоновские тексты»¹².

В чем же состоит, с точки зрения истории экономических учений, сущность плифоновских идей, которые, будучи извлечены из его двух вышеупомянутых, по объему довольно незначительных записок¹³ и освобождены от их риторической, избыточной морализированием и историческими примерами оболочки, сводятся к ряду социальных и экономических постулатов, несомненно весомых, если иметь в виду специфическую византийскую среду, в которой они родились. Однако оговоримся сразу: у Плифона еще не было и не могло быть сознательной, теоретической разработки тех проблем, которые ему приписываются, не было четкого понимания таких экономических категорий, как стоимость, товар, цена и т. д. К решению многих вопросов он приходил чисто эмпирически, в ходе изложения своих рекомендаций, целью которых являлось *ἡ κοινὴ σωτηρία* (всеобщее спасение), а средством — *ἡ ἐπανόρθωσις τῆς πολιτείας* (реформа государственного устройства)¹⁴. Поэтому стремление передать идеи Плифона в понятиях современной политэкономической науки неизбежно приводит к известному насилию над мыслью философа, к модернизации его взглядов. Если не переходить меры и отдавать себе ясный отчет в сознательном допущении такой модернизации как метода познания, то подобный прием может быть оправдан и даже необходим, как он бывает необходим при определении места любой аналогичной доктрины в истории экономических учений.

Исходным пунктом в системе экономических воззрений Плифона было его представление об общественном богатстве как плодах земли (*οἱ ἐκ γῆς καρποί*) или, более широко, как результатах сельскохозяйственной деятельности (*οἱ τῶν ἔργων καρποί*), куда он включает хлеб, вино, масло, хлопчатобумажные ткани, приплод от скота, молоко, шерсть и прочее

¹¹ S. P. Spentzas. *Αἱ οἰκονομικαὶ καὶ δημοσιονομικαὶ ἀπόψεις τοῦ Πλήθωνος*. Διατριβὴ ἐπὶ διδακτορία ὑποβληθεῖσα εἰς τὴν Ἀνωτάτην Σχολὴν Πολιτικῶν Ἐπιστημῶν. Ἀθῆναι, 1964, σελ. 11, 47, 59, 82, 102 κ. ε.

¹² Ibid., p. 103.

¹³ Правда, еще раньше в письме к императору Мануилу II он вкратце изложил рекомендации, которые позднее подробнее развил в записках. Письмо было издано впервые по рукописи Vindobonensis phil. gr. 74 Мюллером: Y. Müller. *Byzantinische Analecten*, in: «Sitzungsberichte d. phil.-hist. Classe d. Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien», Bd. IX, 1852, S. 400. На основании трех рукописей — флорентийской (Laur. 57), римской (Vaticel. 196) и ватиканской (Vat. gr. 1416) его переиздал Лампрос (op. cit., III, p. 309—312). Мазэ удалось найти еще одну рукопись этого письма — Ottobonianus gr. 181 (см. Fr. Masai. *Pléthon et le platonisme de Mistra*, p. 84, n. 3).

¹⁴ PG, t. 160, col. 828B, D, 840A, 844A, 845A, 848B. Мысль о необычности своих рекомендаций (*ἀήθεις καὶ ἔξω τῶν καθεστηκότων γνώμας*), видимо, беспокоит Плифона, раз он предвидит заранее возможные возражения (ibid., col. 838A), но надо ему отдать должное, он с честью выходит из положения, предлагая поэтапное осуществление реформ, а именно: наиболее кардинальные мероприятия осуществить позднее (*ἐς ὕστερον ἰσως ἂν δεοὶ ἐπανορθοῦν*), а в первую очередь обратиться к реорганизации армии (ibid., col. 840A). Надо сказать, что предложение Плифона о замене наемного войска отечественной регулярной армией было одним из наиболее злободневных и реалистичных его предложений.

в том же роде ¹⁵. Это сугубо «вещественное» богатство (понимаемое, мы бы сказали, как масса потребительных стоимостей) создается, по мысли Плифона, посредством трех составных элементов — труда (*ἐργασία*), средств производства (*τὰ τέλη*) и власти ¹⁶. Мысль о труде как источнике богатства постоянно подчеркивается Плифоном, он выделяет его из других составных частей производства и тем самым дает повод Спенцасу говорить о зарождении у него трудовой теории стоимости ¹⁷. Однако Плифон не видел и не мог еще видеть труда в его стоимостной форме, как труда абстрактного, выражающегося в затрате рабочего времени. В его представлении общественный производительный труд — это особого рода конкретный труд, затрачиваемый в сельском хозяйстве. Более того, зачастую труд у него отождествляется с рабочей силой, с носителями труда, со всеми производителями материальных благ (*ἐργάται*), земледельцами (*ἀροτήρες*), виноградарями и пастухами.

Именно из отношения к трем упомянутым компонентам, из которых складывается общественное богатство, выводит Плифон существование трех классов в обществе. В соответствии со своей апологетической точкой зрения на земледелие как основу общественного производства и на земледельческий труд как на единственно производительный труд он считает первейшим, необходимым и наиболее многочисленным «трудящимся классом» (*πρῶτον μὲν καὶ ἀναγκαϊότατον μέρος καὶ γένος καὶ πλείστον τὸ ἀτοπρῆκόν*), в который он включает земледельцев, пастухов и всех тех, кто собственными руками добывает плоды земли ¹⁸.

У Плифона не чувствуется отрицательного отношения к ремесленной и торговой деятельности, и тем не менее он исключает ее из понятия производительного труда, считая ремесленников и торговцев вспомогательным классом (*τὸ διακομικόν φῶλον*), обслуживающим как производителей материальных благ, так и «остальную часть граждан государства». «Ремесленники, — говорит он, — доставляют недостающие из предметов, необходимые людям в их жизни. Купцы же посредством перемещения (*τῇ μετακομιδῇ*) тех предметов, которых в одном месте излишек, а в другом недостаток, уравнивают это несоответствие и оказывают услуги тем, кто из-за своих дел не имеет времени для этих занятий. В свою очередь лавочники покупают у ремесленников или купцов товары (*ἀθροῖα*) и продают их отдельным лицам по их потребностям» ¹⁹.

Таким образом, имея в виду оптовую и розничную торговлю, Плифон понимает их как форму стихийной реализации экономических связей, но даже не пытается вскрыть сущность обмена как акта купли-продажи и роль денег в обмене ²⁰.

¹⁵ PG, t. 160, col. 853, 829C.

¹⁶ Ibid., col. 853A. Обращает на себя внимание тот факт, что Плифон не включил в число участников создания общественного богатства землю, избежав, таким образом, ошибки, столь типичной для большинства представителей домарксистской экономической науки. Спенцас ставит это в особую заслугу Плифону (*S. P. Spentzas. Op. cit., p. 47*), но можно ли ех silentio делать вывод о том, что Плифон сделал это сознательно? Думается, что если бы у него возникла об этом мысль, он непременно оговорил бы ее.

¹⁷ *S. P. Spentzas. Op. cit., p. 47—51.*

¹⁸ PG, t. 160, col. 849A. Это как раз тот слой населения, который, по мысли Плифона, должен нести на себе весь груз налоговых тягот. Он называет этих вечных налогоплательщиков «общими кормильцами», призывает не обременять их другими повинностями, а обращаться с ними «как можно лучше и справедливее» (ibid., col. 829D), но в сущности Плифон мыслил себе статус этих «илотов» (какой выразительный и характерный термин!) как крепостную зависимость, советуя деспоту: «Из этих илотов в первую очередь возьми в свой дом (т. е. для обслуживания твоего хозяйства — *ἐς τὸν σὸν οἶκον*) столько, сколько тебе покажется нужным; остальных оставь правителям и военачальникам, каждому, сколько ты пожелаешь» (ibid., col. 861D).

¹⁹ Ibid., col. 849A—B.

²⁰ В этой связи интересно вспомнить высказывание византийского церковного деятеля XIV в. Григория Паламы об общественном назначении денег как всеобщего эквивалента и посредника в сфере общественного разделения труда. «Один человек, — говорит он, — не может быть одновременно ученым и земледельцем, портным, ткачом,

Итак, τὸ διακοινὸν имеет чисто служебное значение и не участвует, по мысли Плифона, в создании общественного богатства. Вообще следует отметить, что все это место в записке Плифона о делении общества на три класса — τὸ αὐτοῦργικόν, τὸ διακοινὸν и τὸ ἀρχικόν — производит впечатление обширной и искусно переработанной цитаты. Это явно не мысль самого Плифона²¹. Он просто констатирует, что почти в каждом государстве (ἐν πόλει σχεδὸν ἀπάσῃ) есть эти три класса. Когда же он предлагает усовершенствовать структуру общества и называет три основных класса, участвующих в создании общественного богатства (каждый по-своему), то для τὸ διακοινὸν у него не остается места: первым и основным классом выступают производители материальных благ (ἐργάται), т. е. земледельцы (ἀροτῆρες), виноградари и пастухи, а вторым являются собственники средств производства, вкладывающие их в производство (οἱ συνεμπορίζοντες τὰ τέλη)²²; третьим же без особых осложнений называются «обеспечивающие общую безопасность»: армия (οἱ στρατεύομενοι), государственный аппарат (οἱ ἄρχοντες καὶ ἐπιστατοῦντες) и, наконец, император²³. Это и есть «правлящий класс» (ἀρχικὸν φῶλον).

Появление понятия τὰ τέλη у Плифона в качестве необходимого и самостоятельного компонента в создании общественного богатства представляется очень интересным. Спенцас усматривает в нем все признаки производительного капитала (τὸ παραγωγικῶς ἐπεπδεδυμένον κεφαλαίου), а в его собственниках и в самом Плифоне склонен видеть прообраз современных капиталистов-бизнесменов²⁴. Именно «капиталистическим» мышлением Плифона объясняет Спенцас его отрицание частной собственности на землю (тезис, имевший якобы антифеодальную направленность), считая вздорной точку зрения исследователей о социалистическом характере обобществления земли у Плифона²⁵. Мнение, нужно прямо сказать,

строителем, сапожником, врачом и сведущим в каждом из других искусств. И так как каждый в одиночку не может от себя удовлетворять все свои потребности, а во всем подобном каждый непременно имеет нужду, то изобретено средство — деньги, с помощью которых с выгодой для жизни и излишек опоражняется и недостаток восполняется. Землевладелец отдает свои излишки не занимающимся земледелием и, взяв за них цену, на нее покупает дом, например, или ткань; и сапожник, продав сапоги и получив достаточную цену, возмещает потребность недостающего ему. И таким взаимным общением всех нас устраивается жизнь наша; от этого возникают поселения и государства, и человек есть общественное животное (κοινωνικὸν ζῶον ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος)». См. *Григория Паламы*. . . три творения. Новгород, 1895, стр. 28—29. Ср. *Г. М. Прохоров*. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — В сб.: «Литературные связи древних славян». Л., 1968, стр. 98—99.

²¹ Происхождение этого деления общества на три класса Мазэ предлагает искать у Платона, указывая на начальную часть «Тимея», в которой кратко сформулированы политические взгляды Платона на его республику. См. *F. Masai*. Op. cit., p. 74, n. 1. Ср. *G. Sakellariou*. Op. cit., p. 162—163.

²² PG, t. 160, col. 829B.

²³ Ibidem.

²⁴ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 51. Ср. *B. Tatakis*. La philosophie byzantine, p. 288. Представление о Плифоне как выразителе интересов буржуазии — не редкость в зарубежной историографии. «Представитель буржуазии, — говорит, например, Мазэ, — каким был Плифон, крупный государственный чиновник, получивший образование в семье церковных служителей, он, естественно, должен был поддерживать государство в его борьбе против феодального строя. Пусть здесь вспомнят о французской буржуазии, поддерживавшей короля в его борьбе против феодалов. Но Плифону не посчастливилось служить Людовику XI» (*F. Masai*. Op. cit., p. 94).

²⁵ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 52, 55—58. «Несмотря на то, — говорит он в другом месте, — что воззрения Плифона имеют некоторое морфологическое и типическое сходство с платоническими, социалистическими или даже коммунистическими концепциями, они коренным образом отличаются от них по своей сущности» (ibid., p. 43). Вернер, хоть и несколько в ином смысле, тоже считает, что «идеи Плифона не имели ничего общего ни с утопическим, ни с научным социализмом». См. *E. Werner*. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1966, S. 215. Думается, что с такой точкой зрения нельзя полностью согласиться. Общим у них было то, что, будучи учениями, содержащими критику основанного на частной собственности строя и рисующими картины идеального будущего общества, они (каждое в своей мере) основывались

в высшей степени оригинальное, но в такой же мере лишенное историчности. Прежде всего следует подчеркнуть, что τὰ τέλη Плифона — это быки, виноградники, стада скота (? βοσκήματα) и прочее в том же роде²⁶, т. е. именно средства производства, и было бы исторически неверно отождествлять с ними капитал, переносить эту экономическую категорию, выражающую особого рода общественные отношения между классом капиталистов и классом наемных рабочих, в византийскую действительность.

Что касается «буржуазных» корней мировоззрения Плифона, то это, видимо, какое-то недоразумение, которое становится очевидным при рассмотрении его налоговой политики. Какой идеолог торгово-ремесленных (есть и такая точка зрения!²⁷) или буржуазных кругов мог советовать замену денежных платежей и налогов единым натуральным налогом? Безотносительно к тому, прав ли Б. Т. Горянов, считающий проект Плифона утопией, свидетельствующей о непонимании его автором общественных отношений, или А. П. Каждан, полагающий, что проект Плифона свидетельствует о наличии в Византии того времени тенденций к развитию натуральной ренты, данные идеи Плифона можно, на наш взгляд, квалифицировать только так, как это сделала К. В. Хвостова, — как «феодалную реакцию»²⁸.

Интересно отметить мотивировку Плифоном выбора натуральной подати в качестве унифицированной. Вся совокупность весьма многочисленных в Византии податей Плифон сводит в три категории: 1) барщина (ἀγγαρεία); 2) фиксированная сумма ценностей — деньгами или чем-либо другим (τακτὸς ὅρος χρημάτων, εἴτε κέρματος, εἴτ' ἄλλων ὀντινωνοῶν); 3) взнос определенной части продуктов (ῥητή τις τῶν γιγνομένων μοῖρα)²⁹.

Нетрудно заметить, что на эту классификацию, соответствующую трем формам феодальной ренты, оказало влияние именно рентное феодальное право. Самый тяжелый из налогов, по мысли Плифона, — ангария (ἀγγαρεία βαρύτατος φόρων), взимаемый не натурой, а физическим трудом (τῶν σωμάτων, οὐ τῶν χρημάτων ἐπιλαμβανόμενος), немало причиняющий трудностей и сборщикам налогов, которые в течение всего года должны присутствовать при проведении работ. Тактос орос тоже не менее обременителен и неравномерен, поскольку при исчислении очень трудно учесть податные возможности каждого из налогоплательщиков. Этот вид налога взимается понемногу, но часто на протяжении года и многими сборщиками (κατὰ μικρὰ δὲ καὶ πολλάκις τοῦ ἔτους, καὶ ὑπὸ πολλῶν εἰσπραττόμενος) и от этого еще тяжелее. Зато ῥητή τῶν γιγνομένων μοῖρα — наименее обременительна из всех других, равных ей налогов. Она легче и удобнее, поскольку взимается с каждого налогоплательщика во время сбора урожая³⁰.

Я не занимался этим вопросом специально и боюсь ошибиться, но все-таки: не вызвано ли это предпочтение, оказанное натуральному налогу, привычным и естественным для проиара, т. е. феодала средней руки, наполовину государственного чиновника, пристрастием к продуктовой форме ренты в виде разнообразных канискиев, миз и т. д., в то время

на «естественном праве», вытекающем будто бы из разума и «природы» человека. Но, как известно, идеи естественного права зародились уже в античную эпоху и, несомненно, были восприняты Плифоном через Платона.

²⁶ PG, t. 160, col. 829B.

²⁷ См., например: *З. В. Удальцова*. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания по данным византийского историка Критовула. — «Средние века», вып. III, 1951, стр. 177.

²⁸ *Б. Т. Горянов*. Предисловие к переводу речей о реформах Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, VI, 1953, стр. 393; *А. П. Каждан*. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 120; *К. В. Хвостова*. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 261.

²⁹ PG, t. 160, col. 852 C.

³⁰ Ibid., col. 852 C—D.

как суперфеодал-вотчинник столь же естественно тяготел к барщине — ангарии? Насколько мне известно, обследование податной византийской системы и рентного права с учетом именно различных категорий феодальных владельцев в систематической форме не производилось. Во всяком случае, кажется несомненным, что Плифон выражал интересы именно служилой феодальной знати, связавшей свои судьбы с императорским и деспотскими дворами, знати, с которой он был тесно связан по социальному положению³¹. Отсюда — апология монархии как наилучшего государственного строя, но монархии умеренной, мудрой и отеческой, которая прибегает к бескорыстным советникам для установления законов и которая заботится об эффективном применении этих законов. Отсюда беспощадная критика всевозможных династов и архонтов, тех крупнейших землевладельцев-вотчинников, носителей сепаратистских тенденций, которых проиарское сословие считало, наряду с монашеством, своим врагом.

Характерна в этом отношении теория Плифона о распределении годового совокупного продукта производства по различным общественным группам населения, в котором он видел осуществление социальной справедливости (*κατὰ τὸ δίκαιον*)³². Когда плоды трудов подсчитаны и земледельцам возвращены затраты на семена, говорит он, подчеркивая тем самым необходимость производственного потребления, весь доход следует разделить на три части: первую часть — тем, кто производит работу, т. е. земледельцам³³; вторую — тем, кто вкладывает в производство средства производства³⁴, и третью — на содержание государственного аппарата³⁵. В эту четкую схему он вносит целый ряд отступлений и оговорок. Так, работающий при помощи собственных средств производства получает две части дохода, третью же отдает государству; тот, кто получает средства производства от государства, должен довольствоваться третьей частью плодов своего труда, если только он не оставляет себе больше законной части, договорившись с казной. Если же производство идет на общие средства, то производители получают половину³⁶. Зато категорически отказывает Плифон в праве на участие в распределении общественного дохода монашеству, как общественно вредному институту. Только принимая во внимание конкретные взаимоотношения между проиарским и монастырским землевладением в Византии XIV—XV вв., частые перераспределения земельного фонда между этими двумя категориями византийских землевладельцев с тенденцией постоянного усиления монастырского землевладения³⁷, можно понять ту страсть, с которой Плифон призывает лишить этот «рой трутней» (*σμήνος κηφήνων*) доли общественных богатств, как функционально не обусловленную прослойку населения, не имевшую никаких обязательств перед обществом (*λειτούργειν*

³¹ Об имущественном и социальном положении Плифона см.: *D.-A. Zakythinos. Op. cit.*, II, p. 199 sq.; *G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 180—186. И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, стр. 54—57, 99 и сл.*

³² PG, t. 160, col. 829 B, 853 A.

³³ ἐνὶ μὲν αὐτῷ τῷ τῶν ἐργῶν ἐργάτῃ (col. 829A), αὐτῷ τῷ ἐργάτῃ (col. 829C), τῇ ἐργασίᾳ (col. 853A).

³⁴ δευτέρῳ δὲ τῷ τὰ τέλη συνεκπορίζοντι τοῖς ἐργοῖς (col. 829B), τοῖς τέλεσι (col. 829C), τοῖς τὰ τέλη παρεχομένοις τοῖς ἐργοῖς (col. 853A).

³⁵ τῷ δημοσίῳ (col. 829C), τοῖς φύλαξι τε τῶν ὄλων καὶ σωτήραιν (col. 853A), τοῖς τὴν φύλαξιν τῶν ὄλων ἐπιτετραμμένοις.

³⁶ PG, t. 160, col. 829C. Из этого видно, что Плифон отнюдь не мыслил себе средства производства как сосредоточенные в одной части общества, допуская наличие их в собственности самих производителей, у государства и существование особой категории «общих средств производства» (*κοινὰ τέλη*). Просто удивительно, что Спенсас оставил это место без внимания, не усмотрев в нем прообраза современных акционерных обществ с объединенным капиталом.

³⁷ См., например: *G. Ostrogorsky. Op. cit.*, p. 329.

μὲν τῷ κοινῷ μῆδὲν). «Если они требуют, — говорит он, — себе под предлогом собственной добродетели вышлат, полагающихся за безопасность общества, а другие дают им, отнимая у тех, которым это действительно подобает, то только тот сочтет это справедливым, кто сам охвачен суевением, третьей формой безбожия»³⁸. Выступая против стяжательства монастырей, Плифон подчеркивает, что «подобные вещи не согласуются с учением тех, кто первоначально установил этот (т. е. монашеский) образ жизни», что государство терпит ущерб (χέρω τὰ κοινά) из-за того, что удовлетворяются требования на бесконечные дарения (δωρεὰς ἀτελεῖς) из государственных запасов людям, не несущим никаких обязанностей³⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни при определении основного податного класса, ни при распределении национального дохода Плифон не упоминает совсем ни о ремесленниках, ни о торговцах. Это доказывает, что данная категория населения случайно появилась в его записках, будучи или реминисценцией от чтения античных авторов, или попросту констатацией современной ему действительности⁴⁰. Что же касается предложенной Плифоном «улучшенной» структуры государства, то в ней как будто не предусмотрены названные категории населения, хотя обойтись без них в сугубо автаркическом государстве Плифона, казалось бы, невозможно.

Представления Плифона об автаркии, о создании замкнутого хозяйства, обособленного от экономики других стран, разработаны им весьма последовательно. По его мнению, Пелопоннес, которому и предстояло стать экспериментальным цехом для проведения его реформ, не нуждается ни в чем из ввозимого извне (τῶν ἔξωθεν εἰσαγωγίμων). . . , имея достаточно (αὐτάρκως) всего, что необходимо для производства. Только для железа и оружия делает он исключение⁴¹. С этой же целью он предлагает создать искусственные препятствия в виде высоких пошлин для вывоза тех товаров, которые выгоднее оставить в стране (ἄμεινον μένειν), для потребления своими гражданами⁴². Этот протекционизм, направленный на обеспечение интересов «сельскохозяйственной автаркии», тоже не может рассматриваться как совершенно новая идея. В частности, предлагая ликвидировать импорт чужеземных тканей и шитых изделий, а также предметов роскоши⁴³, Плифон исходил, по-видимому, из опыта Иоанна III Ватаца, который в свое время, если верить Григору, запретил подданным под угрозой лишения прав и состояния покупать итальянские, «ассирийские» и «вавилонские» ткани, а довольствоваться тем, что «производит земля ромеев и умеют готовить руки ромеев»⁴⁴. Следует также отметить мысль Плифона о полном контроле государства в сфере экономики, ибо, по его словам, «нельзя это оставлять без внимания и допускать, чтобы сделки совершались, как придется»⁴⁵, мысль, в которой Спенцасу чудится принцип запрограммированной экономической деятельности, начало современного планового ведения экономики⁴⁶. Трудно только

³⁸ PG, t. 160, col. 832C.

³⁹ Ibid., col. 832D.

⁴⁰ Именно последнее я имел в виду, когда использовал это место у Плифона для характеристики социального состава населения Мистры, города, в котором Плифон провел большую часть своей жизни. См. *И. П. Медведев*. Некоторые вопросы общественно-экономических отношений в поздневизантийском городе Мистре. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 78.

⁴¹ PG, t. 160, col. 837A—B. Далее он несколько смягчает это положение, различая среди ввозимых товаров те, которые лучше ввозить (εἰσαγεῖν ἄμεινον), и те, которые лучше не ввозить, и предлагая для облегчения ввоза первых освободить их от всякой ввозной пошлины (ibid., col. 837C—D).

⁴² Ibid., col. 837C—D, 853B—C.

⁴³ Ibid., col. 837B.

⁴⁴ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*, I. Bonnæ, 1829, p. 43, 22—24.

⁴⁵ PG, t. 160, col. 837C.

⁴⁶ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 80.

понять, как ему удастся совместить это представление с утверждением, что Плифон явился духовным отцом физиократов, лозунгом которых было *laissez faire laissez passer*, т. е. принцип свободы предпринимательской и торговой деятельности, неограниченной конкуренции.

В заключение коснемся вопроса о трактовке Плифоном роли денег. В литературе высказывалось мнение о том, что он был против монеты и даже за ее упразднение⁴⁷. Несостоятельность этой точки зрения в последнее время пытались доказать Вакалопулос и Спенцас, утверждая, что Плифон выступал за упразднение фальшивой иностранной, но за установление единой национальной монеты⁴⁸. Мне кажется, что у Плифона не было на этот счет определенного мнения, ибо, с одной стороны, он заявляет, что «Пелопоннес не нуждается в монете, которая некоторыми людьми столь почитается» (*ἄλλως δὲ καὶ Πελοποννήσῳ οὐδενὸς πάνυ τοιούτου δεῖν δοκεῖ νομίσματος*)⁴⁹, и предлагает установить прямой продуктообмен; с другой стороны, он признает, что «монета имеет немалое значение для государства» (*οὐδὲ γὰρ φαῖλον εἰς γε πολιτείας λόγον μέρος ἂν καὶ τὸ νόμισμα ἐμβάλλεσθαι*), и действительно предлагает средства для оздоровления монетного обращения в стране, в первую очередь отказ от плохих сортов иностранной монеты⁵⁰. Во всяком случае, кажется несомненным, что, будучи защитником натурального, земледельческого хозяйства, Плифон мыслил его себе как в принципе безденежное, отрицая потребность общества в золотой валюте, признавая за монетой только функцию обращения и утверждая, что «для повседневного обмена подойдет любая имеющаяся монета» (*πρὸς δὲ τὰς καθ' ἡμέραν ἀλλαγὰς ἕξαρκοῖ ἂν καὶ τὸ τυχὸν νομισθὲν*)⁵¹.

Таким образом, резюмируя сказанное, следует признать, что попытка некоторых исследователей «прессировать» тексты Плифона, прочесть в них то, чего в них не было и не могло быть, приписать ему постановку проблем, которые не могли еще родиться в эпоху Плифона, представляется вряд ли оправданной и плодотворной. Только абсолютизируя экономические идеи Плифона, выхватывая их из всей совокупности его философских идей, неоплатонических по природе и по источникам, можно прийти к подобному отрицанию платоновских корней всей плифоновской (от этого не ставшей менее оригинальной) «политической экономии», на основные положения которой (положения «естественного права», исключаящего частную собственность на землю) у Плифона наслоились сугубо средневековые представления феодала о собственности и сословной принадлежности. Что касается тезиса о влиянии Плифона на последующие экономические учения вплоть до Адама Смита, то в его основе лежит убеждение, будто мысли переходят от одних лиц к другим исключительно «материальным» путем, устно или письменно, а не могут независимо рождаться у разных людей и в разное время. В данном случае совпадение некоторых положений Плифона, скажем, с высказываниями Кенэ не может считаться заимствованием, по крайней мере, до тех пор, пока факт заимствования не установлен и не доказан на основании источников⁵².

⁴⁷ B. Tatakis. Op. cit., p. 288; S. Savvopoulou. Op. cit., p. 24.

⁴⁸ A. Vakalopoulos. Op. cit., p. 179; S. P. Spentzas. Op. cit., p. 95—97.

⁴⁹ PG, t. 160, col. 837A.

⁵⁰ Ibid., col. 853C; ср. col. 837A—B.

⁵¹ Ibid., col. 837A.

⁵² В этом смысле данные источников об упоминаниях о Плифоне в литературе Западной Европы XV—XVII вв., собранные Кнэсом, представляются очень интересными и говорят о довольно широком распространении его сочинений, но все же не дают оснований говорить об «огромном влиянии его идей на европейскую мысль», см. B. Knös. Op. cit., p. 183. Ср. E. Garin. Studi sul platonismo medievale. Firenze, 1958, p. 216—219.